Таким образом, в форме перебранки, жанра, популярного у германцев, здесь излагаются, как и в ряде других песен, мифологические знания. Их отбор, естественно, весьма односторонний. По сути дела, это каталог нарушений клятв и запретов, перечень табу, которые не соблюдались богами. Поэтому понятно, что песнь характеризуется подчеркнутым неприличием ситуаций и выражений [9].

При анализе «Перебранки Локи» нужно, как мне кажется, отграничить ситуацию, в которой песнь первоначально возникла и исполнялась, от времени ее записи. Трудность, однако, состоит в том, что время сложения песен «Старшей Эдды» неизвестно. Мы знаем лишь, что их запись сохранилась в рукописи второй половины XIII в., но что песни эти или какая-то часть их бытовали к тому времени на протяжении столетий. Диапазон датировки возникновения «Перебранки Локи» таков: Сигурдур Нордаль полагает, что она возникла в конце X в. [10], а Ян де Фрис относит ее к рубежу XII и XIII столетий [11]. В любом случае основания для приурочивания песни к тому или иному периоду ищут в ее содержании. Мне трудно представить себе возникновение этой песни в христианскую эпоху. Вольность выражений и описаний тех положений, в каких оказывались боги, пусть языческие, находится в разительном противоречии с допустимым в средневековой литературе!

Для правильного истолкования «Перебранки Локи» необходимо прежде всего отрешиться от представления, что изображение богов в облике извращенцев, прелюбодеев, клятвонарушителей обязательно означает якобы их критику, подрыв веры в их всемогущество, «кризис язычества». Напротив, снижение образа богов может быть интерпретировано не как признак «заката» язычества, но как показатель его силы и внутренней уверенности. Представление об «атеистической» направленности такого рода непочтительных, комических изображений богов обусловливается, по-видимому, тем, что исследователи моделируют язычество, исходя из идеала религии, каковой заимствуется в христианстве. Но если бог христиан — абсолютное воплощение добра и блага, справедливости и чистоты, то вовсе не обязательно считать, что по такому же образцу строились верования в богов и в языческих религиях. Античные божества столь же мало моральны и справедливы, как и германские. Указание на пороки, которыми обладают боги, само по себе не ведет принудительным образом к заключению об утрате веры в них, в их силу и роль в структуре мироздания. Мы можем сказать: боги боятся критики тогда, когда их престолы шатаются,— пока же они всемогущи, насмешки над ними, высмеивание их пороков им не страшны.

Если «Перебранка Локи» действительно содержит перечень нарушений асами табу, обязательных для людей, то можно предположить, что божественная природа асов о с в о б о ж д а е т их от строгого подчинения этим запретам. Но такое божественное пренебрежение тем, что не дозволено нарушать людям, есть тем самым подтверждение как могущества и о с о б о й п р и р о д ы богов, так и силы запретов, действующих вне преде-

---

[9] Следует учесть, что «Перебранка Локи» — не единственная перебранка в цикле «Эдды». В «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» (35—44) Гудмунд и Синфьётли обмениваются обвинениями в трусости, братоубийстве, колдовстве, лжи; они бросают друг другу такие инсинуации, как способность превращаться в женщину, в ведьму, в кобылу, рожать волков; один говорит другому, что того оскопили, что он занимался неблагородным трудом («выдаивал коз») и т. п. Точно так же в «Песни о Хельги Сыне Хьёрварда» (13—30) сын ярла Атли обменивается оскорблениями с Химгерд, дочерью великана Хати: она называет его «холощеным», а он ее — «ведьмой». Они похваляются собственными подвигами. В этих песнях о героях набор преступлений против нравственности и естества в основном тот же, что и в «Перебранке Локи».

[10] *Sigurður Nordal.* Islenzk menning, I. Reykjavík, 1942, bls. 203.

[11] *de Vries Jan.* Altnordische Literaturgeschichte. II Bd, Berlin, 1967, S. 123. Ср. *Schröder F. R.* Das Symposium der Lokasenna.— «Arkiv for nordisk filologi», Bd. 67, 1952.